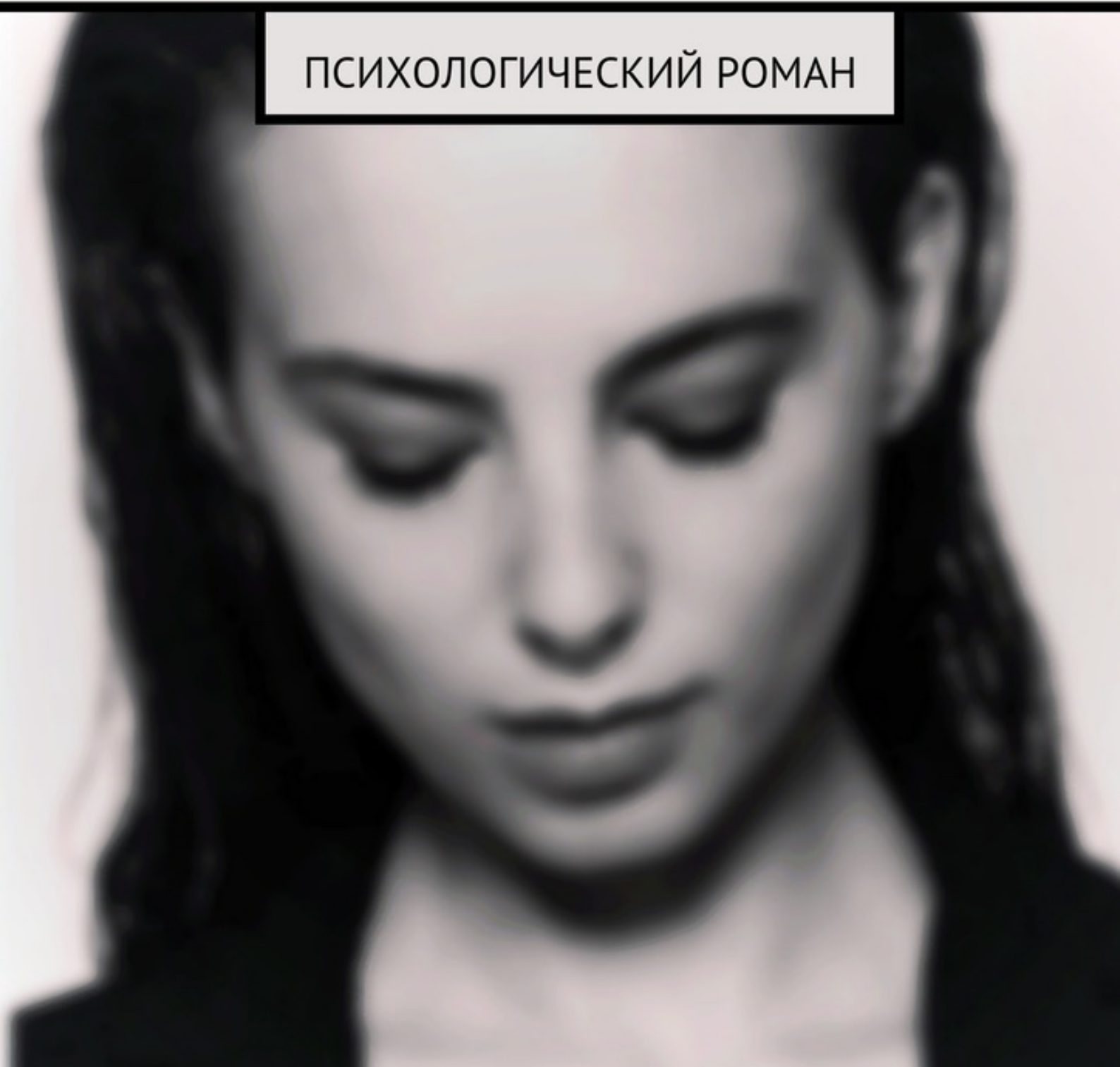

ОЛЬГА СКАЛМАНТ

Тёмные стороны любви

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Ольга Скалмант

**Тёмные стороны любви.
Психологический роман**

«Издательские решения»

Скалмант О.

Тёмные стороны любви. Психологический роман / О. Скалмант —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854161-2

Они из разных миров. Он — молодой француз, родился в бедной провинциальной семье. Она — богатая дочь русских эмигрантов. Что объединяет их? «Их обоих, как и большинство людей в этом мире, сковывало кольцо прошлых событий, тянувшихся из детства». Смогут ли они быть вместе?

ISBN 978-5-44-854161-2

© Скалмант О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	7
2	10
3	13
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тёмные стороны любви Психологический роман

Ольга Скалмант

© Ольга Скалмант, 2017

ISBN 978-5-4485-4161-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Лизы мечтала, как они продадут её шикарную виллу в Ницце и поселятся в небольшом, уютном домике вдали от Лазурного берега. Она сама выберет место в центре Франции в затерявшейся среди лесов и коммерчески невыгодной деревне. Лео будет заниматься каким-нибудь своим любимым делом, а она – рисовать и разводить цветы в их саду. Её денег хватит для беззаботной жизни надолго.

– Мы всегда будем вместе, – шептал Лео, – я так хочу, чтобы ты была счастлива рядом со мной.

Как же им хорошо в этом домике на опушке леса.

«Нет, приторно, слишком сладко. Всё это – ложь. Такого не бывает.» – подумала Лиза и усилием воли заставила себя отказаться от мечты, но мечта успела выпорхнуть на волю, желая обрести реальные очертания и стать живой.

1

– Дети, обедать! Де-е-е-ти! – Мать поставила на стол противень с дымящей жаром картофельной запеканкой.

– Мам, мяса меньше, чем в прошлый раз, – Лео быстро съел свою порцию.

– Бедными родились – бедными и помрём, – ответила мать.

Лео зачерпнул из тарелки сестры.

– Куда лезешь! – Сестра с размаху вставила в руку Лео вилку.

– А-а-а-а! – Закричал он от боли. – А-а-а-а!

– Заткнись! – Громко сказал отец. – Поесть спокойно нельзя.

Отца слушались с полуслова. Ненавидели, боялись и слушались.

– Потерпи, сынок, заживёт. – Мать, легко касаясь, погладила больное место.

От воспоминаний о полуголодных младших братьях и сестре, готовых запросто пырнуть друг друга вилкой за еду, у Лео защемило в груди. Он лежал на бугристом матрасе и смотрел в пыльное окно на потолке. Безоблачное предрассветное небо Ниццы обещало солнечный день.

«Неужели мне никогда не выбраться из нищеты?» – подумал Лео.

Он резко и так небрежно откинул одеяло, что раскрыл спящую рядом девушку.

Комната по размеру напоминала большой шкаф. Впритык к кровати стояли почерневший от времени стол и стул с плетёным из лозы сидением. Прутья лозы потрепались от слишком долгой жизни и местами торчали в разные стороны.

Лео стянул со спинки стула полотенце. Зацепил его за выбившийся прут. Выругался.

Полотенце отдавало плесенью и тоской. В комнате-шкафу сыро и холодно без отопления. Каждый раз после душа Лео развешивал полотенце для просушки на стуле, но оно всё равно оставалось влажным и передавало свой гнилой запах коже.

– Фу, как от тебя воняет, – скривила лицо Кристалин, когда Лео обнял её в первый раз. – Меня сейчас вытошнит.

Он тогда обиделся и уже открыл рот, чтобы ответить: «Это меня сейчас вытошнит от твоего старческого тела», но сдержался, проглотил ком обиды – ему нужны были деньги.

Кристалин давала Лео деньги за любовь, молодость и красоту. Но уже неделю она не отвечала на телефонные звонки. Деньги закончились, а нужно платить за комнату. Лео всегда вносил оплату вовремя, поэтому хозяин квартиры вошёл в положение и дал отсрочку на пару дней.

Лео пригнул голову и направился к двери. Потолок повторял наклон крыши, поэтому стоять в полный рост можно только на выходе.

Хлопнул дверью не заботясь, что разбудит девушку.

Туалет и душ общие в коридоре. Вода на верхний этаж под крышей, или просто – на чердак, доходила с трудом. Хозяин объяснял, что давления не хватает, и, мол, ничего нельзя сделать.

Лео повернул кран. Труба задребезжала. Тонкая струя еле тёплой воды (хозяин из экономии ставил электронагреватель на минимум) в неотапливаемом помещении показалась счастьем.

Намылился большим куском мыла цвета хаки «Савон де Марсей». В детстве мать всегда мыла их только этим мылом с головы до ног – оно самое дешёвое. Но как же Лео обожал запах мыла из оливкового жмыха! Запах детства, солнечного зайца на мокром белом кафеле и большой желтовато-серой от старости ванной, где они сидели вместе с сестрой и двумя младшими братьями в горячей воде с намыленными головами. Они смеялись, баловались в воде, а кожа после этого мыла хрустела от чистоты.

Когда Лео после душа вернулся в комнату-шкаф, на кровати уже сидела Фани.

Короткие завитки чёрных волос торчали спросонья. Маленькая, белокожая, хрупкая Фани со смазанным неясным лицом – фотограф то ли фокус не настроил, то ли дёрнулся в последний момент перед вылетом птички.

– Ты так ляпнул дверью, что разбудил меня, урод, – недовольно сказала Фани. – Воскресенье же.

– Одевайся.

Лео, согнувшись под низким потолком, развешивал полотенце на стуле. Зацепился за торчащие прутья лозы, тихо выругался и отметил про себя, что Фанина растрёпанная голова похожа на сидение этого стула.

Фани вытянула губы и процедила голосом ребёнка:

– Кофе хочу.

– Перебьёшься. На последние деньги вчера поужинали. – Лео взял в охапку сваленные на столе вещи Фани и бросил в неё: – Одевайся, я сказал.

– Мне холодно. – Фани накрылась с головой одеялом. – Хоть бы обогреватель купил.

– За электричество ты будешь платить?

Ссутулившись под низким потолком Лео подошёл к этажерке в углу возле двери. И здесь уже поднял голову. На двух верхних полках лежали аккуратно сложенные вещи Лео. Одежды немного, но красивая, дорогая и почти новая – подарки Кристалин.

На следующей полке – ноутбук, большая толстая тетрадь для конспектов, несколько книг по экономике и менеджменту, флакон с духами.

На нижней полке – дешёвые джинсы. Их мать покупала в супермаркете сразу на всю семью со скидкой. Ещё свитер неизвестного цвета и пару застиранных футболок. Лео всё собирался выбросить это тряпье, в котором приехал в Ниццу полтора года назад, но руки не доходили.

Он вытянул из стопки новых вещей кашемировый свитер, за стоимость которого сестра с братьями в Лионе питалась бы целую неделю вкуснейшими мамиными запеканками с большим количеством мяса. Одновременно выскользнула и полетела вниз затерявшаяся между одеждой денежная купюра. Лео подхватил её, не дав упасть на пол.

– О, двадцатка! Тебе повезло, Фани, позавтракаем в булочной внизу.

Фани скинула с себя одеяло:

– Только умоляю, не душись так сильно. У меня голова потом болит целый день. Вкус у твоей Кристалин просто отвратный. Как она могла купить такую гадость.

Лео обильно полил себя духами прямо из флакона:

– Ты ничего не понимаешь. Богатых издалека по запаху определить можно. Они много душатся, не жалеют.

– Им просто бабки некуда девать. – Фани быстро одевалась, чтобы успеть за Лео. – От такой вони нормальный человек задохнётся. А ты всё равно на богатого не похож, хоть ведро духов на себя вылей. Глаза как у голодного кота на помойке.

– Лучше заткнись.

На входной двери – массивная, непропорционально большая для комнаты-шкафа, деревянная вешалка. Лео снял с крючка кожаную модную куртку, тоже подарок Кристалин.

Спустились на первый этаж в булочную-кафе.

В булочной тепло. Бесперывно работает кондиционер. Уютные запахи ванили, расплавленного сливочного сыра и молотых кофейных зёрен.

Фани ела круассан и запивала из большой чашки кофе с молоком.

– Просто обалдеть как вкусно. Финэ дель мундо (конец света ит.). – Фани говорила с набитым ртом. Наполовину итальянка, она любила вставить итальянские фразы в разговор.

Лео сделал глоток чая и отодвинул стакан:

– Горячий.

Достал из кармана куртки телефон, набрал номер Кристалин. Длинные гудки не обещали ничего хорошего.

- Что, финита ля комедия (конец спектакля ит.)?
- Она заблокировала мой номер.
- Лучше работу найди.
- Какая тебе разница, где я беру деньги.
- Ведёшь себя как урод. Любовь за деньги – это так мерзко.
- Ты что, ревнуешь?
- Ха-ха! К этому сморщенному как чернослив ископаемому?
- Когда она давала бабки, тебя не волновал её возраст.
- Главное, он не волновал тебя.
- Не твоё дело. – Лео резко встал, направился к выходу.

Он не знал куда идти, но чувствовал, что нельзя оставаться на месте – нужно двигаться вперёд, чтобы привлечь обстоятельства.

– Подожди! Я с тобой. – Фани вскочила, запихнула в рот остаток круассана и побежала за Лео.

2

Лиза – тридцатилетняя вдова русского происхождения – лежала с открытыми глазами на удобном матрасе у себя в спальне.

– Ку-ка-ре-ку-у-у! – На улице надрывался в предрассветном крике петух.

– Ненавижу, – прошептала Лиза. – Даже в воскресенье не даёт поспать.

Этот петух был прихотью соседских детей и уже который день будил жителей элитного посёлка под Ниццей. Он кукарекал беспрерывно до восхода солнца с интервалами разной длины. Засыпать в минуты затишья бесполезно.

Лиза вспомнила, что подростком любила просыпаться по утрам раньше родителей. Вытаскивала из-под подушки тетрадь, шариковую ручку и рисовала в тишине. Девушка в длинном платье кружилась со страницы на страницу.

Однажды Лизе приснился юноша. «Мой муж,» – подумала она. В деталях запомнила его лицо и нарисовала. Теперь девушка кружилась в танце не одна, а с юношей.

Тетрадь прятала за холодильником, потому что мать Евгения Всеволодовна любила обыскивать Лизину комнату в поисках следов личной жизни дочери. Возвращаясь со школы Лиза часто замечала, что её вещи меняют места.

В тот день заболел учитель. Лиза пришла из школы раньше и застала Евгению Всеволодовну врасплах с тетрадью в руках.

– Отдай! – Закричала Лиза. – Отдай!

– Думала, я на кухне не найду, – не растерялась, помахала тетрадью Евгения Всеволодовна.

– Не смей! Это моя тетрадь. Я сама рисовала.

– Догадалась, что сама. Кто ещё может нарисовать такую пошлость.

Лиза перестала дышать. Это смерть. Она умерла. Стыд, позор. Часть её души – пошлость. Маме не нравятся её рисунки.

В комнату вошёл отец Николай Петрович.

– Что здесь происходит?

– Посмотри, Николя, чем занимается твоя дочь, – после переезда во Францию Евгения Всеволодовна называла мужа по-французски: Николя.

– Философские рисунки, – листая страницы тетради сказал Николай Петрович, – хотя пропорции не совсем, но вполне реалистично.

– Да это же бред! Как до такого можно додуматься? У неё с головой не в порядке. Вся тетрадь измалёвана портретом какого-то мужчины. Кто он? Отвечай!

Лиза с надеждой посмотрела на отца: что он ответит? заступится ли за неё?

– Женечка, она же ребёнок. Возможно, фильм какой-то повлиял или книга.

– Николя, какой фильм? Не было никаких фильмов! – Выкрикнула Евгения Всеволодовна. – Как нормальному ребёнку подобное может прийти в голову?! Её нужно отвести к врачу. У меня есть знакомый психолог – очень приличная женщина.

– Отдай мои рисунки, они мои! – Твёрдым голосом потребовала Лиза. – Ты не имеешь права так со мной. Это не пошлость.

– Я тебя насквозь вижу, – на лице Евгении Всеволодовны гуляла кривая улыбка. – Хочешь, что бы тебя на руках носили, ублажали. Как будто бы ты королева. Да посмотри на себя, кому ты нужна. Твой принц сразу сбежит, как только поймёт, что ты из себя представляешь.

– Замолчи, замолчи, замолчи, – повторяла Лиза в отчаянии. – ты не имеешь права, замолчи.

– Да как ты с матерью разговариваешь. Николая, послушай, как она мне грубит. Затыкает матери рот. Неблагодарная! Забыла, как я над тобой ночи не спала, лучшее тебе отдавала. Запомни, никто никогда не полюбит тебя как я – твоя родная мать.

– Елизавета, – Николай Петрович строго обратился к дочери, – прекрати. У мамы больное сердце, ей нельзя нервничать.

– А что я сделала? Она первая начала, – Лиза задыхалась от бессилия и обиды. – Неужели ты не видишь, папа?! Ты ничего не видишь!

– Не ори на отца, хамка.

– Отдай мою тетрадь.

– Да кому нужны твои каракули, – Евгения Всеволодовна бросила тетрадь на пол перед собой.

– Ненавижу вас, ненавижу. – По щекам Лизы покатались слёзы. – Вы, вы... Вы плохие, злые люди.

– Ой, не могу больше, умираю, задыхаюсь! Николая, сделай что-нибудь. Она меня угробит. – Евгения Всеволодовна откинула голову и закатила глаза. – Такие слова от родной, любимой, единственной дочери слышу.

– Женечка, не волнуйся. Сейчас водички принесу.

Лиза подняла тетрадь и направилась к выходу из гостиной. Евгения Всеволодовна быстро, как будто заранее готовилась, схватил её за руку и наотмашь ударил по губам:

– Не смей так разговаривать с родителями, ты – маленькая тварь. Прячь-не прячь, всё равно найду и выкину в мусорку твои каракули, чтоб не дай бог не опозорила нас перед людьми.

Лиза убежала к себя в комнату, сильно хлопнула дверью. Через стену слышала голоса родителей. Они специально разговаривали громко.

– Даже не вышла, не попросила прощения.

– Может, спит.

– Или рисует очередную пошлость. Откуда только ей приходят подобные мысли? Она же ещё девочка.

– За ней глаз да глаз нужен.

Тогда Лиза почувствовала внутри такую ненависть к юноше, которого она рисовала, которого она надеялась встретить, полюбить, выйти замуж, родить детей, быть счастливой, любимой до конца дней. Она открыла тетрадь, нашла страницу с портретом юноши, посмотрела в его лицо и прошептала:

– Это ты во всём виноват, ты. Из-за тебя сердится папа. Из-за тебя у мамы болит сердце. Когда тебя больше не будет, мы все вместе – мама, папа и я – будем наконец-то счастливы.

Лиза вырвала страницу с портретом юноши и порвала. Затем вторую, третью... Когда перед ней на полу лежала горка из обрывков собственных рисунков, вздохнула с облегчением: она нашла решение. В тот вечер заснула с лёгкой душой. Боль отступила, но не надолго. Лиза выросла, а обида, гнев, страх остались туманным ступором, блуждающим по её жизни.

Лиза слышала, как открылась входная дверь: вошла помощница по дому. На кухне она зашуршала пакетами с продуктами. Звякнула крышка от кастрюли. Зажурчала вода. Лиза глубоко вздохнула от удовольствия. Приятно начинать день под звуки, которые наполняют дом жизнью.

Через зазор в плотных шторах в спальню прорвался луч утреннего солнца и упал на стену.

– Какой пушистый солнечный заяц ворвался ко мне без просу, – сказала Лиза сама себе и потянулась за халатом. Шёлковый халат с лёгкостью соскользнул с изящно выгнутой спинки стула.

Лиза прошла босиком по тёплому с подогревом полу в кухню-столовую. Сделала кофе. Уселась на мягкое облако подушки в любимое плетёное кресло.

Из большого, во всю стену, окна открывался панорамный вид на Ниццу и Средиземное море. На столе, накрытом льняной скатертью с вышивкой в традиционном русском стиле, уже стояли графин со свежавыжатым апельсиновым соком, корзинка с булочками, небольшая банка с вареньем, мёд, сливочное масло, ваза с фруктами – всё как всегда.

Зазвонил телефон.

Евгения Всеволодовна звонила каждое утро. Разговоры заканчивались ссорой – Лиза знала, что её ждёт, но отвечала на звонки.

– Привет, мама.

– Давно проснулась? А я всю ночь не спала. С сердцем что-то опять.

Лиза слушала жалобы Евгении Всеволодовны и размешивала сахар в чашке, нервно ускоряя движения. Рука дёрнулась – кофе выплеснулся на скатерть.

– Ой! Кофе пролила.

– У тебя всё вечно валится из рук. И зачём ты пьёшь опять этот кофе. Только травмишь себя. Кофе по утрам на голодный желудок, а тем более с молоком, вреден для здоровья, сколько раз говорила.

– Мам, не надо. Мне не пять лет. Сама знаю, что есть и что пить.

– Да хоть восемьдесят пять, всё равно ты бестолковая. Завтракать нужно хорошо, а не лишь бы как. Почему ты не ешь кашу? Надоело повторять одно и то же. Ты всё равно не поймёшь, пока не посадишь желудок и не окажешься в больнице.

– Мне не хочется утром есть. Я не голодна, понимаешь. Просто хочу кофе и тишины.

– Как ты разговариваешь с родной матерью. Ох! Опять сердце схватило.

– Мама, успокойся. Всё же хорошо.

– Ты меня до могилы доведёшь! Прощай! Спасибо за доброе утро.

Лиза закончила завтрак как всегда с испорченным настроением. Только вид из окна на бескрайнее море успокаивал, вселял надежду, что где-то есть спокойная, полная тепла и любви жизнь без ссор и скандалов.

3

– Ты не должна так безалаберно относиться к драгоценностям, – повторяла Евгения Всеволодовна каждый раз, когда приезжала в гости к Лизе, – нужен как минимум сейф с секретным кодом.

– Успокойся, мама. Кроме моей помощницы и тебя с папой в доме никого не бывает.

– Эта твоя помощница без роду без племени, ты её не знаешь!

– Потише, мама, она может услышать.

– Тебе любая служанка дороже родной матери. – И Евгения Всеволодовна шла на кухню, громко стучала стаканами, охала, наливала воды и пила таблетки от сердца и от давления.

Цена, которую Лиза заплатила за свои украшения, выражалась не в деньгах, а в боли от прошлых событий. Стремясь избавиться от горьких воспоминаний, связанных с холодным блеском драгоценностей, сама того не понимая, Лиза не беспокоилась о сохранности, а наоборот, подсознательно искала вора.

Драгоценности хранились в спальне в большом комод. Браслеты, кольца, серьги из золота и серебра с драгоценными камнями лежали в выдвижных ящиках без замков.

Лиза никогда не выходила из дома без украшений. Прогуливалась по улицам Ниццы, позвякивая браслетами, и привлекала внимание не только обычных прохожих.

Сегодня решила поехать к морю, чтобы рисовать. Приняла душ, оделась. Поло, джинсы, спортивный пиджак. К нему нейтральные бриллиантовые шарики в уши, на запястья – браслеты. Среди множества флаконов с парфюмом Лиза выбрала один с классическим ароматом.

Папку для рисунков и сумку положила на заднее сидение своей красной спортивной машины. Она сама выбрала последнюю модель «Альфо Ромео», ещё когда муж Роман был жив.

– Банально, и цвет красный, – отметил тогда Роман, но купил.

Дорога из посёлка, расположенного на склоне горы, шла вниз к морю. Виляла, выписывая порой довольно крутые виражи. Но Лиза уверенно то давила на педаль газа, то отпускала – она знала эту дорогу наизусть.

В городе как всегда людно. Лиза потратила час, чтобы найти свободное место для машины. Припарковалась. Отправилась по Английскому променаду в сторону Монако, где начинались скалы, на пляж с более живописными пейзажами. К тому же за глыбами камней можно укрыться от ветра.

Вода в марте ещё холодная – купаются только оздоравливающие пенсионеры и некоторые туристы из северных стран. Остальные – греются на солнце, устроившись на мелкой гальке под скалистым берегом.

Лиза выбрала место так, чтобы видеть пляж целиком. Положила на колени большую папку с листами бумаги, взяла простой карандаш.

Она всегда хотела стать художницей. Занималась в школьной изостудии. Особенно ей удавалась акварельная живопись. Когда закончила школу, собралась поступать в художественный институт.

– Рисуют только бездельники, – отрезала Евгения Всеволодовна, – а мне и так уже одного в лице твоего отца-музыканта хватает.

– Ты не понимаешь, я хочу быть профессиональным художником.

– Ты и будешь профессиональным, только адвокатом. И не спорь со мной – бесполезно.

– Мама, послушай меня!

– Это ты меня послушай! Всё уже решено. Ты мне ещё спасибо потом скажешь.

– Мама...

Лиза получила диплом адвоката для Евгении Всеволодовны, а для себя, в тайне от родителей, брала частные уроки рисунка и живописи.

Сегодня Лиза рисовала отдыхающих на пляже, чтобы потом все наброски соединить в единую акварель.

Внимание привлекла компания молодёжи. Парни и девушки сидели вокруг покрывала с закусками: пакеты с чипсами, корнишоны в стеклянной банке, солёное печенье. Пили из пластиковых стаканов красное вино. Разгорячённые от весеннего солнца и алкоголя, громко разговаривали, смеялись.

Лиза увлеклась. Ей нравился динамизм группы. Она старалась побыстрее передать весёлый характер молодёжного веселья на бумаге. Закусив нижнюю губу, рисовала, бросая короткие, но внимательные взгляды на компанию.

Вдруг она увидела, что один парень из компании повернулся и смотрит прямо на неё. Это был Лео. Он пришёл на пляж с друзьями, как и многие в это воскресенье, чтобы скоротать время и погреться на солнце.

Лиза привыкла к тому, что когда рисует в общественных местах, люди останавливаются, разглядывают, обсуждают её работу. Но сейчас Лео рассматривал её, а не рисунок. Стало неуютно. Захотелось спрятаться, уйти.

Она продолжала набросок, но всё медленнее и медленнее. Каждый раз, когда поднимала глаза от рисунка на компанию, видела Лео. Он не сводил с неё взгляд.

– Эй, Лео, куда уставился? – к парню обратилась девушка из компании: Фани.

Фани подошла к Лео, уселась к нему на колени, обняла и стала без стеснения целовать в шею, в губы. По развязанным движениям было видно, что Фани пьяна. Лео не сопротивлялся.

– Красив, но ведёт себя невоспитанно, – вслух сказала Лиза, как если бы Лео мог услышать и раскаться в своём поведении.

Услышала её пожилая женщина, гревшаяся вблизи на солнце.

– Вот и я говорю, бестыдники. – Она с радостью подхватила беседу. – Молодёжь не та, что была раньше. Мы себе такого не позволяли. Было общество, правила. Мы шли с мои Жаном по улице в Ниццы, он обнял меня за плечи. Просто руку положил мне на плечо. Тут же подошла к нам прохожая и сделала замечание, дескать, ведём себя неприлично. И заметьте, мы были женаты. Мой бедный Жан. Хорошо, не дожил до этих дней и не видит этот срам.

– Да, конечно, мадам, молодёжь не та. Доброго дня, мадам. – Лиза поняла, что не может больше рисовать – пристальный взгляд парня и эта девушка у него на коленях мешали сосредотачиваться на работе.

Бросила в сумку карандаши, закрыла папку с набросками и, больше не глядя в сторону весёлой компании, быстро пошла по неудобно скользившей под ногами гальке к выходу с пляжа.

Лео проводил её взглядом и думал: «Вот такая мне нужна.»

Вечером, после пикника на пляже, Лео проводил Фани домой. Она жила в Ницце с родителями и изредка ночевала у Лео. Потом, по дороге к себе, зашёл в минимаркет. На остатки от утренней двадцатки купил багет, несколько ломтей ветчины на развес и пакет персикового сока.

Поднялся на чердак по лестнице. Он боялся ездить в лифтах. Лео родился и вырос в частном доме в посёлке под Лионом, где не было высотных зданий. Однажды в школе организовали экскурсию в Париж. Мать Лео сэкономила на семейном бюджете деньги на поездку. Ночевали в многоэтажной гостинице в пригороде Парижа. Там Лео в восемь лет впервые проехал на лифте. Ему так понравилось, что он катался вниз-вверх весь вечер. И вдруг лифт остановился между этажами. Несколько часов Лео просидел в тёмной кабине, пока лифт не починили. Маленькому Лео было так страшно, что с тех пор он обходит лифты стороной.

Лео зашёл к себе в комнату-шкаф, привычно согнул голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Не включая свет, поставил пакет с едой на стул. В одежде и обуви улёгся на кровать.

«Она богатая, это художница. – Лео думал о Лизе. – Руки в золотых браслетах. Вкусно пахнет за километр. Волосы ухоженные, сразу видно, к пармахеру часто ходит. Только взгляд испуганный как у бездомной Тоски, что жила в нашем посёлке. Её кто только не пинал, а она даже залаять в ответ не могла.»

Лео стало жаль и художницу, и собаку, но он сразу же отбросил это ненужное сейчас для него чувство – нужно платить за комнату.

В окне под потолком тёмное, почти чёрное, небо. Белёдые облака бегут быстро – значит поднялся ветер, и в комнате-шкафу ночью ещё больше похолодает. Лео сбросил туфли, стянул куртку и залез в одежде под одеяло – закрыл глаза и сразу заснул.

Разбудил стук в дверь. Лео никого не ждал и решил не открывать в надежде, что в тёмном коридоре (хозяин из экономии выкрутил единственную лампочку) не разглядели номер и ошиблись адресом. Натянул одеяло на голову.

Постучали ещё раз.

– Лео открой! Это я, – раздался голос Фани. – Я знаю, ты дома.

– Что ей ещё надо. – Лео нехотя встал, открыл дверь.

– Ты что, спишь? – Фани зашла в комнату, включила свет. – Звонила тебе сто раз, никто не отвечает!

– Конечно, сплю. А что мне по-твоему делать ночью? Ты меня разбудила.

Фани села на кровать, потому что больше сесть было некуда: на единственном стуле стоял пластиковый пакет с продуктами.

– Еда? – Фани заглянула в пакет. – А я так есть хочу.

Фани достала багет, ветчину, пакет сока.

– Зачем так поздно пришла? – Лео сел на освободившийся стул.

– Нож подай.

Лео взял нож в большом стакане из нержавейки на столе. Из стакана торчали ещё пару вилок, столовые ложки и одна чайная.

– С родителями поругалась. Надоели. Где была, почему не пришла ночевать, кто твой парень. Какое им дело. – Фани разрезала багет, на одну половину разложила ветчину, накрыла второй, разломала пополам: – Держи.

Лео взял сэндвич и понял, что больше всего ему хочется, чтобы Фани сейчас ушла.

– Они – твои родители. – Лео говорил голосом заботливого учителя в надежде вразумить несмышлёного ученика. – Это нормально, когда родители хотят знать, что с тобой всё в порядке. Тебе лучше вернуться домой. Они ведь беспокоятся за тебя, переживают.

Фани укусила большой кусок и громко зачавкала.

– Да плевать им на меня. Отец сказал, что если сегодня дома ночевать не останусь, чтоб больше не возвращалась. Ну, я хлопнула дверь и ушла.

Лео посмотрел на довольную собой Фани и понял, что ситуация безнадежна. Аппетит исчез совсем.

– Сок налей. Я когда нервничаю, всегда такая голодная.

Лео встряхнул пакет, взял единственную чашку, наполнил доверху и протянул Фани:

– Когда домой собираешься?

– Никогда.

У Лео запершило в горле. Он взял пакет с соком и сделал несколько больших глотков.

– А ты почему не ешь? – Фани обратила внимание на нетронутую Лео порцию багета с ветчиной.

– Тебе лучше вернуться домой, – продолжал настаивать Лео.

– Я доем твой сэндвич, ладно?

– Доедай.

– И останусь у тебя, ладно?

– Подумай сама: одну ночь останешься, ну, две. Но это не решит проблему.

– Я думала, что мы сможем жить вместе всегда.

– Что-о-о? – Протянул Лео, не скрывая удивления.

Фани заплакала. Слезы откуда не возьмись потекли ручьями по щекам.

– Разве ты не любишь меня, Лео?

Лео растерялся: Фани в слезах, ночь за окном, холодный ветер на улице.

– Хорошо, ложись спать, – тихо сказал он. – Не выгонять же тебя среди ночи на улицу.

– Значит, я могу остаться! Ура-а-а!

– Не радуйся раньше времени. Эту ночь останешься, а завтра посмотрим.

Фани заснула быстро, а Лео ещё долго смотрел в окно на потолок. Он размышлял, вспоминал прошедшие события, оценивал своё положение и, в конце концов, принял решение.

«Эта богатая художница в браслетах вполне может вернуться на пляж, – лёжа в кровати рядом с Фани думал Лео. – Завтра приду на набережную и буду ждать сколько нужно. Если не она, то другая придёт на её место. Не зря меня в Ниццу тянуло. Здесь есть дамочки с деньгами, а любовь я им дам. Они сами этого хотят. Никто из них не верит в настоящую любовь. Я и сам не верю. Всё можно купить за деньги. Всё. Бедная моя мама, никогда не видела настоящей жизни. Для неё духи – недоступная роскошь. Обязательно подарю ей духи... И красивое платье. Деньги делают счастливым. Только Фани куда деть? Свалилась на мою голову.»

Утром Лео потратил последние сантимы на кофе для Фани в булочной на первом этаже. Пока Фани пила кофе и смотрела на гору ароматных круассанов на витрине, Лео не переставал думать о Лизе. Она казалось спасительной нитью из лабиринта его проблем.

В Ницце без билетов в автобусе проехать невозможно, поэтому Лео дошёл с Фани до факультета пешком. Остановился перед входом:

– На занятия я не пойду.

– Что случилось? – Фани удивлённо посмотрела на Лео.

– Завтра последний день платы за комнату – вот что случилось, – злобно ответил Лео. – Деньги нужно где-то взять, понимаешь?

– Понимаю. Ты работу нашёл?

– Можно назвать это работой, почему нет, – едва слышно сказал Лео.

– Ура! – Фани запрыгала и захлопала в ладоши. – Ты нашёл работу!

– Успокойся.

– Почему раньше не сказал?

– Не обязан тебе отчёты писать.

Фани обиженно выпятила вперёд нижнюю губу с готовностью расплакаться:

– Я думала, мы теперь вместе как муж и жена.

Лео глубоко вздохнул. Слова Фани легли на плечи тяжёлым мешком с мукой, которые он разгружал за небольшую плату несколько раз в месяц в булочной на первом этаже. Ему не хотелось спорить или что-то объяснять Фани. Хотелось поскорее отделаться от неё и заняться реализацией своего плана.

– Увидимся вечером, – сказал он сухо.

– Не волнуйся, я всё поняла. Можешь на меня рассчитывать. – Фани бросилась на Лео.

– Я опаздываю. – Оторвал Фани от себя в тот момент, когда она почти дотянулась до губ, чтобы поцеловать.

4

На пляж Лео шёл пешком. Торопиться некуда. Ещё не время для богатых дамочек.

Ниццу он знал хорошо – исходил в поисках работы: булочные, мясные лавки, частные рыбные магазинчики, рестораны, кафе, отели. Нигде не брали на постоянную работу с кон трактом. В офисы со школьным дипломом вообще не было смысла стучаться. Для работы мелким менеджером нужно как минимум три года образования по специальности.

Денег для устройства в Ницце у Лео было на пару месяцев, если снимать самую дешёвую комнату и питаться спагетти с подобием томатного соуса из оптовых супермаркетов – всё, что удалось скопить тайком от отца, когда после школы и по выходным работал в его передвижном фургоне «Пицца с настоящего огня». Ещё помогла мать. Дала пару тысяч, которые собирала последние годы:

– Заплатишь за учёбу за первый год, а там заработаешь. Ты всё умеешь, у тебя руки золотые.

– Работать надо. – Отец не хотел, чтобы Лео учился после школы. – Здоровье есть. Молодой. На кой время в институтах терять.

– Не слушай его, сынок, езжай, – тихо, но настойчиво говорила мать. – Тебе нужно выбиться из этих трущоб. Если выучишься, сможешь с большими людьми общаться, положение в обществе получишь, работу денежную найдёшь.

Лео поступил в самый дешёвый институт на факультет бизнеса и маркетинга. В первый же день занятий к нему прибилась Фани. Просто села рядом на первой лекции и сказала:

– Я – Фани. Привет!

С тех пор она повсюду ходила за Лео и с Лео.

И Лео незаметно для себя втянулся в отношения. Так и не понял, нравится ли она ему или это уже привычка.

Каждый вечер после занятий Лео искал хоть какую работу. То срочно разгрузить фургон со свежей рыбой, то расчистить от строительного мусора площадку под склад. Один раз даже взяли помощником на кухню в ресторан, когда было много готовки для большой заказной вечеринки.

Судьбу Лео изменил его страх к лифтам.

Уставший после работы он поднимался по лестнице в комнату-шкаф. На пятом этаже перед закрытой дверью с табличкой «Мадам Гобен Мари-Лен» стояла пожилая женщина и держала на руках маленькую собачку.

– Молодой человек, как хорошо, что вы здесь! Помогите, пожалуйста! Патрисия выбежала, – Мадам Гобен погладила собачку, приговаривая «моя ласточка, сердце моё», и продолжила: – я за ней. Дверь захлопнулась. А ключи второпях не взяла.

– Конечно, мадам. Одну секунду. – Лео перелез через балкон соседней квартиры, открыл дверь изнутри. – Прошу вас, мадам!

– Спаситель мой! Ангел мой! – Мадам Гобен протянула Лео купюру в пятьдесят евро.

– Это лишнее, мадам. Я просто вам помог.

– Возьмите, молодой человек. Вы заработали. Рисковали жизнью ради нас с Патрисией.

– Спасибо, – Лео взял деньги.

– Вам спасибо, правда, моя конфетка? – Мадам Гобен погладила собачку. – У нас с Патрисией ещё кран на кухне протекает. Может посмотрите?

Мадам Гобен презнакомила Лео со всеми подругами в квартале. Лео после занятий выполнял для них сантехнические работы за щедрые денежные вознаграждения.

– Красавчик какой, – шептались они за спиной Лео, – вернуть бы наши восемнадцать.

Лео даже перестал искать работу. Одинокие и уже немолодые женщины с протёкшими кранами на кухне и поломанными унитазами были выгоднее.

– А я за тобой давно наблюдаю, – сказала как-то женщина, сидевшая за чашкой чая у мадам Гобен Мари-Лен, когда Лео капался под унитазом. – Ты хорошо работаешь. Мне бы такого сантехника. Только всё у меня, к сожалению, в порядке. А тебе с такой внешностью в Голливуде сниматься надо, а не унитазы починять.

Так Лео познакомился с Кристалин и открыл, что умение менять прокладки на кранах ничто по сравнению с его внешностью и молодостью. Он узнал, что нравится женщинам, а богатые женщины готовы платить за его красоту. Так же он узнал, что возраст не помеха любви, а наоборот: старость ищет молодость.

При беглом взгляде Кристалин казалась моложе своих шестидесяти лет. Стройная фигура, как не у каждой юной девушки, обтянута тонкой, суховатой, напоминающей пергаментную бумагу, кожей. Состояние кожи вместе с потухшим взглядом и выдавали возраст. Но модная одежда, ухоженные волосы и умелый макияж дорогой косметикой компенсировали пару несовершенств косметологии.

Кристалин открыла Лео мир денег, где исполняются желания и можно почти всё. Она ни в чём не отказывала Лео, баловала – это приносило удовольствие, видеть, как неискушённый юноша испытывает интерес к давно наскучившим вещам. А через год просто сказала капризно:

– Ты мне надоел. Убирайся.

Если бы Лео знал, накопил бы денег из тех, что давала Кристалин. Но Лео, для которого картофельная запеканка, где много мяса, – край блаженства, как он мог подумать, что всё так грустно закончится. Казалось, Кристалин влюбилась и потеряла от него, молодого красавчика с голубыми глазами, голову навсегда.

– Я – живая игрушка для них. – Лео не только это понял, но и прочувствовал до обиды, до гнева, до желания использовать, как использовали его: холодно и без сожаления. – Я извлёк урок и в следующий раз буду умнее.

Когда Лео приблизился к пляжу, то уже издалека заметил Лизу. Она сидела на том же месте, что и вчера, и рисовала. Лиза специально приехала утром, чтобы закончить наброски по свежей памяти, когда на пляже ещё безлюдно.

Лео без остановки и не задумываясь направился к ней. Он ведь уже всё решил.

Подожёл бесушным и оказался в ароматном облаке Лизиного парфюма: представилось, что девушка в белом платье бежит навстречу по полю в красных цветах мака. Он вдыхал пленительный воздух вокруг Лизы и одновременно скользил глазами по её белой коже на щеке, каштановому завитку волос, неглубокой морщинке на шее. Потом перевёл взгляд на рисунок. В компании молодых людей, отдыхающих на пляже, узнал себя.

– А это я? Похож.

Лиза вздрогнула. Дёрнулась рука. Карандаш провёл жирную линию, перечеркнув красивое лицо Лео толстым шрамом.

– Вы напугали меня, – Лиза обернулась и узнала в Лео того парня с пляжа.

– Извини, я не хотел, – Лео сознательно перешёл на «ты», чтобы приблизиться. – Не думал, что меня когда-нибудь нарисуют.

– Это только набросок. Если хочешь, я его уничтожу прямо сейчас. Мне нравится рисовать людей и...

– Нет, нет, не надо. Не оправдывайся, – перебил Лео. – Мне бы очень хотелось увидеть готовую картину. Можно я посмотрю, как ты работаешь?

– Смотри.

Лео сел так близко, что Лиза ощутила прикосновение его дыхания. Потёрла рукой шею и украдкой посмотрела на ноги Лео. Замшевые коричневые мокасины одеты на босую ногу,

светлые брюки небрежно подвёрнуты до середины щиколотки. Ей понравилось. Показалось, что от такой небрежности в одежде веяло свободой и лёгкостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.